

УДК 339.924 (1–67 ЕАЭС)

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-296-307

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ ЕАЭС В КОНКУРЕНЦИИ С ЕВРОПЕЙСКИМИ ИНТЕГРАЦИОННЫМИ ФОРМАТАМИ В ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Пахолкин Д.А.

Международный юридический институт

127427, г. Москва, ул. Кашенкин Луг, д. 4, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится анализ политических, институциональных и идентификационных особенностей евразийского интеграционного проекта, обуславливающих его преимущества и недостатки в конкуренции с продвигаемыми Европейским союзом форматами «мягкой интеграции» в его восточном соседстве. В результате исследования автор показывает, что сильными сторонами ЕАЭС являются меньшая степень накладываемых им интеграционных ограничений и, как следствие этого, более благоприятные условия для сохранения государствами-членами своего национального суверенитета. Вместе с тем эти преимущества не всегда могут преодолеть гандикапы ЕАЭС: слабость его общей идентичности и политической субъектности, структурную асимметрию его участников, благодаря которой интеграционный процесс так и не вышел за рамки межгосударственного торга, и узость его нормативного контекста, который в отсутствие достаточной ценностной базы не может составить конкуренции нормативным притязаниям ЕС на роль морального авторитета для стран СНГ.

Ключевые слова: международная интеграция, ЕАЭС, ЕС, СНГ.

STRENGTHS AND WEAKNESSES OF THE EAEC IN COMPETITION WITH EUROPEAN INTEGRATION FORMATS IN THE CIS SPACE

D. Pakholkin

International Law Institute

4, Kashenkin Lug ul., Moscow, 127427, Russian Federation

Abstract. The article analyzes political, institutional and identity-related features of the Eurasian integration project that constitute its strengths and weaknesses in competition with the EU-promoted forms of 'soft integration' in its Eastern neighbourhood. Proceeding from the finding of the investigation the author shows that the EAEU's strengths consist in lower degree of integration constraints imposed by it upon member states and, hence, more favorable terms for preservation of their state sovereignty. At the same time, these strengths are not sufficient for overcoming the EAEU's handicaps: weakness of its common identity and political subjectivity, structural asymmetry of its participants, which prevents integration process from getting beyond inter-state bargaining, and narrowness of its normative context that in absence of potent value basis is not able to compete successfully with the EU normative claims over the CIS states.

Key words: international integration, EAEU, EU, CIS.

Со второй половины 2000-х гг. ключевым процессом, определяющим политическую конфигурацию пространства СНГ, стала конкуренция европейского и евразийского интеграционных проектов. Образование Таможенного, а затем и Евразийского экономического союза в условиях, когда с европейской стороны происходило оформление Европейского политики соседства и Восточного партнёрства, создало предпосылки для противоречия и потенциальной коллизии между двумя интеграционными форматами, чем не преминули воспользоваться силы, заинтересованные в усилении конфликтности между ЕС и Россией. Ход этой конкуренции во многом определялся и продолжает определяться стратегиями продвижения соответствующих интеграционных форматов, которые задействуют основные игроки. Однако немаловажное значение имеют также свойства самих продвигаемых интеграционных форматов.

Переход евразийской интеграции на качественно новый уровень с формированием Таможенного союза был напрямую связан с попыткой перенести на постсоветскую почву некоторые наиболее эффективные институциональные модели, выработанные в ходе европейской интеграции, прежде всего, институты наднационального характера – Комиссию и Суд интеграционного сообщества. Аналогично в плане продвижения вовне евразийский проект во многом эмулировал подходы и методы, применяемые ЕС, – его нормативно обусловленные принципы сближения с внешними партнёрами и экономические стимулы в качестве «наград». Основные этапы

этого противостояния изложены в наших предыдущих работах [4].

Тем не менее ряд имманентных особенностей ТС / ЕАЭС заранее затруднял использование нормативных методов влияния в том ключе, в каком их применял Евросоюз. Главная цель настоящей работы – выявить элементы евразийского интеграционного проекта, обусловившие его недостаточно сильную позицию ещё на стадии замысла, в парадигмальных установках инициаторов этого проекта, продвигаемых ими в попытках реинтеграции постсоветского пространства.

1. Прежде всего, речь идёт об *идентификационных особенностях* евразийского проекта. Слабым местом всех постсоветских интеграционных форматов было отсутствие общей идентичности, способной служить социокультурной базой интеграции и задавать единый ценностный вектор интеграционного процесса. Становление евразийских механизмов интеграции – сначала в более размытом варианте ЕврАзЭС в начале 2000-х, затем в виде более упорядоченного Таможенного союза во второй половине 2000-х и, наконец, в виде Евразийского экономического союза – было призвано преодолеть этот дефект, однако на практике этого не произошло.

Дискурс о евразийской идентичности в политической риторике стран-участниц присутствует крайне слабо и не является стержневым в конструировании их идентичности. Причём это касается РФ не в меньшей мере, нежели остальных членов ЕАЭС. Процесс осмысления евразийской идентичности в академической и публицистической литературе продвигается весьма пунктирно, практически не выходя

за пределы традиционной школы геополитического евразийства¹ [6; 2; 3], и не вызывает того общественного резонанса, какой вызывал и продолжает вызывать вопрос о европейской идентичности России. В дискуссиях на «вечную тему» о принадлежности России к Европе или Азии компромиссным, «медианным» вариантом всё чаще признаётся идея об уникальности и самостоятельной российской идентичности, которую нельзя вписать в те или иные более широкие цивилизационные рамки [5]. Имя «евразиец» не создаёт основы для общей идентичности, по меньшей мере, на данном историческом этапе. Соответственно, отсутствует общественный запрос на то, чтобы примкнуть к Евразии, или массово проявляемое индивидуальное стремление стать евразийцем (не приверженцем политического течения А. Дугина, а активным гражданином Евразии и носителем её идентичности).

Одним словом, евразийская идентичность продолжает оставаться сугубо номинальной величиной и не имеет устойчивого смыслового наполнения как в политическом, так и в социокультурном плане. Это лишает евразийскую интеграцию ценностного измерения – возможности апеллировать к общим ценностям, общему историческому наследию и общей стратегической перспективе для обоснования интеграционного продвижения, оставляя для этой цели лишь сугубо рациональные экономические мотивы [8].

¹ Примечательно, что немногочисленные публикации на эту тему начали появляться уже после 2014 г., то есть когда конкуренция между европейским и евразийским проектами достигла кризисного уровня.

Сам по себе этот недостаток не является фатальным. В конце концов, далеко не все процессы региональной экономической интеграции сопровождаются становлением общей идентичности, и это не мешает им успешно развивать интеграционную динамику. Однако в ситуации конкуренции с альтернативными проектами ЕС слабость общей идентичности выступает серьёзным гандикапом ЕАЭС. В то время как евразийский проект позиционируется как сугубо экономическое объединение, а его лидеры в почти оправдательном тоне доказывают, что их проект не направлен на воссоздание прежних имперских исторических форм, Европейский союз опирается на сильную и политически артикулированную европейскую идентичность, наполненную как политическим, так и ценностным содержанием. Монополизировав дискурс о европейской идентичности, органы и функционеры Евросоюза активно эксплуатируют её в своей внешнеполитической деятельности, увязывая проекцию европейской идентичности с теми или иными политическими и практическими уступками со стороны стран-партнёров. При этом, поскольку европейская идентичность, кроме всего прочего, ассоциируется с определённой эффективной моделью управления, ЕС получает возможность оказывать влияние на управленческие системы стран, декларирующих свою принадлежность к европейской цивилизации, и даже выступать арбитром в их внутривнутриполитических процессах. Основанное же на общей идентичности ценностное измерение евроинтеграции позволяет ЕС выступать в качестве морального авторитета и «нормативного игрока», мотивированного не только

соображениями экономической выгоды, но и стремлением к утверждению определённого круга «европейских ценностей».

Наряду с этим евразийская идентичность нередко используется противниками евразийской интеграции в качестве конститутивного антипода, так называемого «значимого Иного», на противопоставлении которому выстраивается положительный образ европейской стороны. То есть не имея чёткого собственного смыслового наполнения, евразийская идентичность получает такое наполнение в риторике её соперников, приобретая негативную коннотацию и представляя естественным извечным антагонистом Европы.

Подобный искусственный антагонизм крайне контрпродуктивен для ЕАЭС как для потенциального второго центра силы на Европейском континенте, на роль которого он изначально претендовал, поскольку невозможно стать вторым центром в Европе, находясь в то же время в смысловой оппозиции к ней. По этой причине, одного только конструирования евразийской идентичности вряд ли достаточно для успешной конкуренции с ЕС в идентификационной плоскости. Необходимо также оспорить монополию ЕС на европейскую идентичность и задействовать её для легитимизации евразийских интеграционных процессов как взаимодополняющих, а не противодействующих евроинтеграции как таковой.

2. Слабость общей идентичности является составляющей более широкой проблемы *слабости политической субъектности* ЕАЭС. При всём стремлении к тому, чтобы превратить

евразийское объединение во второй центр силы на континенте, архитекторы ЕАЭС, и в первую очередь Москва, не смогли создать отделяемого от государств-членов условного субъекта, который бы олицетворял весь интеграционный проект в целом, и от имени которого его представители могли обращаться к внешнему миру. Для евроинтеграции таким виртуальным макросубъектом вполне естественно выступала «единая Европа», из географического наименования превращённая, с одной стороны, в воображаемый политический субъект со своими интересами и ценностями, а с другой – в символ, ассоциируемый с главными достижениями современной человеческой цивилизации и наиболее эффективной моделью политического управления. Длительная историческая традиция европейской идентификации также подкрепляла этот субъект, укореняя его в исторической «общности судеб» и общем наследии европейской культуры, что само по себе служило мощнейшим инструментом, повышающим привлекательность европейского интеграционного проекта.

В то же время понятие «Евразия» никогда ранее не использовалось как обозначение единого политического субъекта, воплощением которого является евразийская интеграция. Собственно, использовать его в подобном качестве весьма проблематично, прежде всего из-за географического масштаба, выходящего далеко за рамки пространства СНГ. К тому же, за «Евразией» нет сколь-нибудь длительной исторической традиции, которая бы находила непосредственный отклик в обществах государств-членов ЕАЭС, за исключением, возможно, Казахстана.

Помимо сугубо символической стороны вопроса, у ЕАЭС наблюдается дефицит признаков, позволяющих позиционировать его в качестве самостоятельного целостного субъекта. Его медийное присутствие весьма пунктирно и, как правило, привязано к проведению заседаний на высшем уровне. Также в силу институциональных особенностей ЕАЭС у него нет должностного лица, способного олицетворять его субъектность хотя бы так, как это делает глава Еврокомиссии или верховный представитель по внешней политике ЕС. В какой-то мере эта функция может быть возложена на председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии, и пока этот пост занимал Виктор Христенко (2012–2016 гг.), он в какой-то мере действительно выступал «лицом» ЕАЭС и обеспечивал некоторую узнаваемость проекта. Нынешний председатель Коллегии Тигран Саркисян несколько менее активен в публичном пространстве, что непосредственным образом сказывается на политическом позиционировании ЕАЭС.

Очевидно, что эта особенность является не только следствием просчётов и упущений архитекторов евразийской интеграции, но главным образом следствием подходов к интеграционному процессу, доминирующих у партнёров России по евразийскому проекту. Многие из них не разделяют цель формирования на основе ЕАЭС второго центра силы на европейском континенте и целенаправленно блокируют любые инициативы, способные придать этому проекту хотя бы видимость политического объединения. Однако даже с учётом этих сложностей продвижение на ключевые посты

в ЕАЭС ранговых политических фигур и надлежащее медийное освещение их деятельности могло бы существенно повысить политический профиль евразийской интеграции и её восприятие в обществе, что, в свою очередь, могло бы повлиять и на позицию руководства стран-партнёров РФ по евразийской интеграции.

В контексте интеграционной конкуренции с ЕС эта особенность также имеет немалое значение. Во-первых, она затрудняет постановку вопроса о прямом диалоге между ЕАЭС и ЕС. На сегодняшний день в ЕАЭС просто нет сопоставимых фигур, с которыми ЕС мог бы установить публичный политический контакт, поэтому даже те европейские политики, которые благожелательно относятся к идее диалога с ЕАЭС, говорят максимум о возможности проведения технических консультаций между двумя объединениями [9, с. 14]. А во-вторых, дефицит собственной субъектности ЕАЭС позволяет его оппонентам изображать весь проект в негативном ключе как исключительно проекцию воли Кремля и его стремления удержать свою зону влияния в СНГ, не имеющую под собой никаких рациональных экономических оснований и являющуюся сугубо геополитическим проектом. В такой интерпретации евразийская интеграция представляется уже не объективной потребностью, обусловленной поддержанием доставшейся в наследство взаимозависимости, а исключительно средством фиксации российской гегемонии и, как следствие, подрыва государственности новых независимых стран.

3. Ещё одной имманентной проблематичной особенностью евразийского

проекта является его *политическая асимметрия*, когда масштаб и потенциал одного участника значительно превышает ресурсы других. Для Европейского союза баланс между крупными и малыми государствами также представляет немалую политическую проблему, однако она смягчалась тем, что крупные государства Западной Европы были готовы в той или иной степени принимать интеграционные ограничения и наднациональные механизмы управления в силу высокой заинтересованности в продвижении интеграции как таковой. Кроме того, среди стран-участниц ЕС есть несколько сопоставимых крупных стран с большим весом в принятии решений, что автоматически уменьшает восприятие происходящего процесса как гегемонии только одного участника.

В евразийском проекте уровень и природа интеграционной мотивации существенно отличаются от европейского, что не в последнюю очередь объясняется иными политическими условиями, в которых развивается данный проект. Поэтому и проблема политической асимметрии выглядит несколько серьёзнее, нежели в случае ЕС, и связана с оценкой затрат и потенциальных выигрышей от участия в интеграционном процессе и принятия его ограничений.

Для крупного государства, чей внутренний рынок является основным «активом», «инвестируемым» в интеграционный проект, вопрос заключается в обеспечении политического влияния, соразмерного этому «вкладу». Вливаясь в многостороннее интеграционное объединение, крупное государство частично уступает контроль за этим «активом» и теряет воз-

можность манипулировать им по своему усмотрению, устанавливая тот или иной объём доступа для своих партнёров на двустороннем уровне. Очевидно, что принимать на себя подобные ограничения крупному государству целесообразно лишь в том случае, когда оно получает достаточные рычаги влияния на уровне интеграционных институтов и когда интеграция приносит ему адекватные политические и статусные преимущества. При этом зачастую его политическая идентичность как великой державы и политическая культура его общества затрудняют легитимизацию интеграционных ограничений и необходимость передачи государственных полномочий на наднациональный уровень.

Малым государствам участие в интеграционном объединении предоставляет более серьёзные рычаги влияния на крупные державы, которые они не могут приобрести на двустороннем уровне. Однако и для них актуальна проблема сохранения своей политической автономности и свободы манёвра при получении максимального практического выигрыша [13, с. 1024]. С этой целью они манипулируют заинтересованностью крупной державы в интеграционном проекте, представляя сам факт своего участия в нём как её потенциальный выигрыш, ради которого крупная держава должна идти на уступки в практических сферах. И евразийская интеграция наглядно подтверждает эту закономерность [12, с. 10].

Преодолеть указанные трудности можно при наличии, во-первых, чёткой стратегической перспективы интеграции, ради которой её участники были бы готовы идти на компромиссы,

а во-вторых, эффективной системы согласования интересов на наднациональном уровне, с учётом мнения национальных правительств и негосударственных акторов, которая в конечном итоге давала бы странам, участвующим в этом интеграционном проекте, достаточные инструменты воздействия на принимаемые решения [1].

В Евразийском экономическом союзе с обоими этими компонентами дела обстоят не лучшим образом, прежде всего потому, что интеграция рассматривается его участниками как сугубо инструментальный процесс, не имеющий достаточной собственной ценности. Стратегические цели их внешней политики лежат за пределами построения евразийского интеграционного объединения. К тому же на эффективности ЕАЭС сказывается отсутствие в новейшей отечественной политической культуре «традиции интеграции», точнее, паттернов равноправного, а не подчинённого, взаимодействия и выстраивания общих структур, основанных на учёте различных интересов и нахождении либо оптимального решения, в максимально возможной степени устраивающего всех участников, либо создании таких механизмов принятия общих решений, которые в течение длительного времени дают для каждого участника наилучший результат, заведомо более предпочтительный, чем при попытке самостоятельного решения проблем. Отсутствие парламентаристской традиции наслывалось на недостаток опыта: даже в самом Евросоюзе механизмы согласования интересов с задействованием официальных и неофициальных каналов, государственных и общественных акторов выработывались десятилетия-

ми, и попытка простого копирования видимой части этих механизмов не могла дать быстрого результата.

В итоге процесс согласования интересов участников евразийского проекта не ушёл далеко от классического межгосударственного торга, в котором никто не гнушается блокировать интеграционное продвижение и прибегать в случае необходимости к односторонним действиям в обход институциональных процедур союза. Более того, в ЕАЭС мы наблюдаем парадоксальную ситуацию, когда даже с течением времени у государств-членов не вырабатывается «интеграционного рефлекса», а практическое углубление интеграции и переход к единому экономическому пространству сопровождается не усилением, а ослаблением наднациональных структур [12, с. 8].

В каком-то смысле это даже можно представить как преимущество евразийской интеграции перед форматами «мягкой интеграции» с ЕС в плане поддержания суверенитета стран-участниц, ведь в рамках ЕАЭС государства-члены испытывают намного меньшие интеграционные ограничения, чем в условиях того же Соглашения об ассоциации. Однако на деле это преимущество не даёт серьёзных дивидендов в конкуренции с ЕС ввиду того, что во многих постсоветских странах местные элиты практикуют дискурсивное увязывание интеграции в пространстве СНГ с укреплением политического доминирования России, что делает вопрос о евразийской интеграции крайне чувствительным для национального суверенитета в глазах местной общественности.

4. Наконец, значительную роль в ходе конкуренции с ЕС играет каче-

ство нормативного контекста ЕАЭС, которое, в свою очередь, напрямую влияет на способность евразийского объединения задействовать свою нормативную силу в отношении внешних партнёров. Понятно, что нормативная база ЕАЭС продолжает формироваться, и этот процесс далёк от завершения, но формируется она в рамках существенно экономической логики, к тому же зависящей от хода межгосударственного торга её участников. Ситуации, когда те или иные участники тормозят подписание ключевых интеграционных документов или отказываются применять уже согласованные правила, в евразийском объединении далеко не редкость, как, собственно, не были они редкостью и в предыдущих интеграционных форматах в СНГ.

(Обеспечение консолидации постсоветских элит с их колоссальным уровнем недоверия друг другу и высокой конкуренцией между собой всегда было нелёгкой задачей. И даже Евросоюз столкнулся с этой проблемой, когда выяснилось, что его восточные соседи крайне прохладно относятся не только к идее интеграции в своём региональном пространстве, но и к самому факту группировки их в единые институциональные рамки Европейской политики соседства и Восточного партнёрства, в результате чего основным инструментом «мягкой интеграции» ЕС в СНГ стали двусторонние соглашения с отдельными странами.)

Вследствие указанных особенностей, ЕАЭС в проекции своей нормативной силы вовне может полагаться исключительно на стимулы и санкции экономического характера, связанные с доступом на общий рынок ЕАЭС, а также с трудовыми правами граждан

третьих стран на этом рынке. Это значительно сужает спектр возможного применения нормативной силы со стороны ЕАЭС, а также девальвирует её потенциал. Ситуации, когда участники ЕАЭС в одностороннем порядке или коллективно применяли те или иные нормативные меры в отношении третьих стран (ссылаясь на несоответствие их продукции принятым стандартам качества), а впоследствии эти проблемы решались путём политических договорённостей, серьёзно дискредитировали сами эти меры и их нормативную природу. Правительствам третьих стран проще списывать такие меры на политические претензии, мобилизуя общественность на противодействие им и укрепляя таким образом негативный образ ЕАЭС в целом.

Нельзя сказать, что Европейский союз не сталкивается с подобными сложностями. Его нормативная сила тоже во многом компрометируется политическим характером принятия решений в отношении предоставления тех или иных анонсированных стимулов. Но ЕС целенаправленно выстраивает свою политическую идентичность именно на нормативно-ценностной основе [11, с. 614], создавая хотя бы видимость морально оправданного характера его политики [10, с. 509], которая в немалой степени обязывает его следовать заявленному дискурсу [14, с. 1054]. Причём эта видимость подкрепляется функционированием отдельных и формально независимых от национальных государств структур, осуществляющих мониторинг имплементации европейских норм третьими странами. В последнее время даже наметилась тенденция передачи части этих функций на те или иные неправительственные

организации, что призвано усилить образ объективности и политической незаангажированности подобного мониторинга [7]. В евразийском объединении таких структур пока что нет, а традиция мониторинга средствами НПО также пока не приобрела широкого распространения, как и привлечение гражданского общества к интеграционному процессу как таковое.

При этом европейские лидеры утверждают, что ЕС осуществляет проекцию своих норм и ценностей ради стабилизации сопредельного пространства, а не ради получения экономических выгод, поэтому и третьи страны также должны быть заинтересованы в имплементации этих норм как таковых: ради улучшения собственной системы управления, приближения к демократическим стандартам и т.п., а не ради получения политических или практических стимулов. Тем самым ЕС присваивает себе роль «честного брокера», арбитра в отношении соседних стран, выступающего в качестве морального авторитета и носителя европейской идентичности и европейских ценностей, который не просто претендует на защиту своих «особых интересов» в сопредельном пространстве, а выполняет историческую миссию его европеизации. В этой роли у Европейского союза пока нет достойного евразийского конкурента. Адепты евразийской интеграции могут критиковать и разоблачать геополитические амбиции их европейских конкурентов, закамуфлированные под нормативную повестку дня [15, с. 536], но противопоставить ей иную нормативную повестку они пока не в состоянии. И это существенно сказывается на преимуществах ЕАЭС в интеграционной конкуренции

с ЕС, причём за влияние не только на страны, не входящие в ЕАЭС, но и даже на действующих его членов.

Ключевым фактором, определяющим эффективность нормативного воздействия ЕС на страны СНГ, несомненно, является восприимчивость элит и обществ этих стран к дискурсу о европейской идентичности и европейских ценностях. Однако степень данной восприимчивости обуславливается прежде всего спецификой местной политической системы конкретной страны, интересами её элит и идейной ориентацией активных групп общества, а не наличием соразмерной и привлекательной евразийской альтернативы. Проще говоря, страны, меньше других поддающиеся нормативной силе ЕС, делают это скорее из стремления сохранить собственную независимость или из стремления местных элит сохранить свой политический режим, нежели в силу приверженности евразийскому проекту. Что касается общественности этих стран, то фактически единственной рабочей референцией для сторонников евразийского проекта остаётся привязка к России и исторической памяти о нахождении в составе более масштабного государственного образования, что автоматически ограничивает число решительных симпатизантов евразийского интеграционного проекта теми слоями, которые готовы (пусть с оговорками) ассоциировать себя с нынешним российским государством.

* * *

Итак, проведённый анализ показал, что ряд имманентных особенностей евразийского интеграционного про-

екта заранее обуславливал его сильные и слабые стороны в конкуренции с форматами «мягкой интеграции», продвигаемыми Европейским союзом в пространстве СНГ. Относительно сильными его сторонами являются меньшая степень накладываемых им интеграционных ограничений и, как следствие этого, более благоприятные условия для сохранения государствами-членами своего национального суверенитета, значительные экономические выгоды, а также более серьёзные рычаги влияния на интеграционный процесс. Вместе с тем эти преимущества не всегда могут преодолеть гандикапы ЕАЭС: слабость его общей идентичности и политической субъектности, структурную асимметрию его участников, благодаря которой интеграционный процесс так и не вышел за рамки межгосударственного торгового узура нормативного контекста, который в отсутствие достаточной ценностной базы не может составить конкуренции нормативным притязаниям ЕС на роль морального авторитета для стран СНГ, а также дефицит самостоятельных институтов и публичных фигур, которые бы олицетворяли евразийское политическое пространство.

Разумеется, список особенностей ЕАЭС, влияющих на его позиции в

интеграционной конкуренции с ЕС, не исчерпывается приведёнными пунктами. В нашей статье рассмотрены лишь базовые политические, идентификационные и институциональные особенности евразийского объединения, тогда как экономические нюансы остались за пределами анализа. К тому же дальнейшие исследования должны уточнить, как политический контекст в конкретных странах влияет на восприятие их элитами и общественностью тех или иных особенностей ЕАЭС и как это сказывается на устойчивости самого евразийского проекта. Данная статья позволяет сформулировать методологическую основу для подобных исследований, выделяя те сферы и вопросы, которые нуждаются в более глубокой проблематизации.

В интеграционной конкуренции с ЕС евразийский проект не является априори аутсайдером. Сам факт его появления значительно повлиял на характер восточной политики ЕС. Однако без успешного преодоления описанных в данной статье недостатков проект евразийской интеграции вряд ли сможет выйти на желаемый уровень консолидации и в полной мере реализовать свой геополитический потенциал.

Статья поступила в редакцию 13.09.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Бордачёв Т.В. Суверенитет и интеграция // Россия в глобальной политике. 2007. № 1. С. 65–77.
2. Журавлёва С.М., Иванов А.В. Евразийская цивилизационная идентичность как мировоззренческое основание нового объединения Евразии // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 1. С. 7–20.
3. Лепешев Д.В. Евразийская цивилизационная идентичность: к определению понятия // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 4 (34). С. 28–32.
4. Пахолкин Д.А. Нормативная сила в конкуренции евразийского и европейского интеграционных проектов на постсоветском пространстве // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 6. С. 171–186.

5. Сурков В. Одиночество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. 2018. № 2-3/1. С. 124–129.
6. Титаренко М., Петровский В. О неоевразийской идентичности России // Международная жизнь. 2016. № 4. С. 20–44.
7. Burluk O., Shapovalova N. “Veni, vidi, ... vici?” EU performance and two faces of conditionality towards Ukraine // East European Politics. 2017. Vol. 33. No. 1. P. 36–55.
8. Casier T. Identities and Images of Competition in the Overlapping Neighbourhoods: How EU and Russian Foreign Policies Interact // Security in Shared Neighbourhoods. Foreign Policy of Russia, Turkey and the EU. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. P. 13-34.
9. Delcour L., Kostanyan H., Vandecasteele B., van Elsuwege P. The Implications of Eurasian Integration for the EU’s Relations with the Countries in the post-Soviet space // Studia diplomatica. 2015. Vol. 68. No. 1. P. 5–33.
10. Delcour L., Tulmets E. Pioneer Europe? The ENP as a Test Case for EU’s Foreign Policy // European Foreign Affairs Review. 2009. Vol. 14. P. 501–523.
11. Diez Th. Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering ‘Normative Power Europe’ // Millennium: Journal of International Studies. 2005. Vol. 33. No. 3. P. 613–636.
12. Dragneva R., Wolczuk K. The Eurasian Economic Union. Deals, Rules and the Exercise of Power // Chatham House Russia and Eurasia Programme Research Papers. May 2017. 27 p. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2017-05-02-eurasian-economic-union-dragneva-wolczuk.pdf> (дата обращения: 15.04.2018).
13. Gnedina E. ‘Multi-Vector’ Foreign Policies in Europe: Balancing, Bandwagoning or Bargaining? // Europe-Asia Studies. 2015. Vol. 67. No. 7. P. 1007–1029.
14. Pace M. The Construction of the EU Normative Power // Journal of Common Market Studies. 2007. Vol. 45. No. 5. P. 1041–1064.
15. Ross Smith N. The EU and Russia’s conflicting regime preferences in Ukraine: assessing regime promotion strategies in the scope of the Ukraine crisis // European Security. 2015. Vol. 24. No. 4. P. 525–540.

REFERENCES

1. Bordachev T.V. [Sovereignty and integration]. In: *Rossiya v global'noi politike*, 2007, no. 1, pp. 65–77.
2. Zhuravleva S.M., Ivanov A.V. [Eurasian civilizational identity as the ideological basis of the new Association of Eurasia]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, 2016, no. 1, pp. 7–20.
3. Lepeshev D.V. [Eurasian civilizational identity: the definition of the concept]. In: *Nauka i biznes: puti razvitiya*, 2014, no. 4 (34), pp. 28–32.
4. Pakholkin D.A. [Normative power competition in the Eurasian and European integration projects in the former Soviet Union]. In: *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 2017, T. 12, no. 6, pp. 171–186.
5. Surkov V. [The half-bred’s loneliness (14+)]. In: *Rossiya v global'noi politike*, 2018, no. 2-3/1, pp. 124–129.
6. Titarenko M., Petrovskii V. [On neo-Eurasian identity of Russia]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2016, no. 4, pp. 20–44.
7. Burluk O., Shapovalova N. “Veni, vidi, ... vici?” EU performance and two faces of conditionality towards Ukraine. In: *East European Politics*, 2017, vol. 33, no. 1, pp. 36–55.
8. Casier T. Identities and Images of Competition in the Overlapping Neighbourhoods: How EU and Russian Foreign Policies Interact. In: *Security in Shared Neighbourhoods. Foreign Policy of Russia, Turkey and the EU*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2016, pp. 13–34.

9. Delcour L., Kostanyan H., Vandecasteele B., van Elsuwege P. The Implications of Eurasian Integration for the EU's Relations with the Countries in the post-Soviet space. In: *Studia diplomatica*, 2015, vol. 68, no. 1, pp. 5–33.
10. Delcour L., Tulmets E. Pioneer Europe? The ENP as a Test Case for EU's Foreign Policy. In: *European Foreign Affairs Review*, 2009, vol. 14, pp. 501–523.
11. Diez Th. Constructing the Self and Changing Others: Reconsidering 'Normative Power Europe'. In: *Millennium: Journal of International Studies*, 2005, vol. 33, no. 3, pp. 613–636.
12. Dragneva R., Wolczuk K. The Eurasian Economic Union. Deals, Rules and the Exercise of Power. In: *Chatham House Russia and Eurasia Programme Research Papers*. May 2017. 27 p. Available at: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2017-05-02-eurasian-economic-union-dragneva-wolczuk.pdf> (accessed: 15.04.2018).
13. Gnedina E. 'Multi-Vector' Foreign Policies in Europe: Balancing, Bandwagoning or Bargaining? In: *Europe-Asia Studies*, 2015, vol. 67, no. 7, pp. 1007–1029.
14. Pace M. The Construction of the EU Normative Power. In: *Journal of Common Market Studies*, 2007, vol. 45, no. 5, pp. 1041–1064.
15. Ross Smith N. The EU and Russia's conflicting regime preferences in Ukraine: assessing regime promotion strategies in the scope of the Ukraine crisis. In: *European Security*, 2015, vol. 24, no. 4, pp. 525–540.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пахолкин Дмитрий Анатольевич – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Международного юридического института;
e-mail: dpakholkin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Pakholkin – Senior lecturer at the Department of General Humanities and Science Disciplines, International Law Institute;
e-mail: dpakholkin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пахолкин Д.А. Сильные и слабые стороны ЕАЭС в конкуренции с европейскими интеграционными форматами в пространстве СНГ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 296–307.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-296-307

FOR CITATION

Pakholkin D. Strengths and Weaknesses of the EAEC in Competition with European Integration Formats in the CIS Space. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 296–307.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-296-307